

Поэзия
✎ Екатерина Добролюбова

Горящие отчаянно,
соедини мосты!
Качаем,
качаема
ветрами, налетевшими
на рощу пожелтевшую,
звезда моя,
любовь моя
и боль моя,
не стынь.

Что сердцем переложено, –
Прочь!
Выведено ложное
на свет из темноты.
Теперь, когда я зрячая,
горячая,
горящая, –
всё ярче,
всё желаннее,
всё невозможней ты...

Зачерпну воды студёной
из колодца-журавля...
Я давно хожу влюблённой
в красоту твою, земля!

В эти малые тропинки,
день, намеченный в заре,
в колокольчик тонкой льдинки
в холодеющем ведре.

Уезжаю виноватой,
виноватой без вины.
Обнажив рога, ухваты
поддевают чузуны.

Печь беззубая смеётся,
рассыпая пыл и жар.
Возле мамы кошка вьётся,
паром пышет самовар.

За окном осенним слякоть,
темень – не видать руки!
Долго сердцу молча плакать,
а глаза – сухи, сухи.

Полпоклона, да на Бога,
что в углу. И сгинет след.
...Мимо дома та дорога,
без которой счастья нет.

Грустно так – грустнее не бывает.
Уплывает вечер, уплывает
в тихую задумчивость небес.
Словно ёж зелёный, дремлет лес.

Рассказ
✎ Елена Холодова
памяти Олега Хандуся

Это был первый писатель,
которого я встретила в сво-
ей жизни. Мне всегда каза-
лось, что он меня недолюб-
ливал. Это было странно, я
привыкла, что меня любят.
Меня всегда любили, а этот
смотрел то равнодушно, то
вовсе враждебно.

...Была поздняя осень. Город,
оскалившись серыми пятнами
грязного, подтаявшего снега, напо-
минал нищенку в полуистлевших
лохмотьях. Время подходило к
полночи, а я шагала в тусклом,
каком-то фальшивом свете фонарей
и с тоской смотрела на светящиеся
теплом и уютом квадратики окон.
Я совсем замёрзла, негреющее
пальтишко, из которого я давно
уже выросла, вынуждало меня
зябко ёжиться. Старые порванные
кроссовки давно промокли и ноги
ломило от холода. Но самое гадкое
– болел сломанный нос и на губы и
на подбородок бежала тёплая лип-
кая кровь. У меня не было платка,
и я размазывала кровь по рукам,
утирая рукавом, шмыгала носом...
Что у мужиков за привычка? – если
бьют, обязательно по лицу! Меня
охватила злость, обида, жалость к
себе и я заплакала. Темно, всё равно
никто не видит, буду идти по ночью-
му городу в тени домов и реветь.
Навстречу мне шёл какой-то
человек. Это был мужчина невы-
сокого роста, в широкой куртке
неопределённого цвета, шагавший
уверенно, размашисто. Я ускорила

«Навстречу ветрам и прохожим...»

Справка «ММ»

Екатерина Добролюбова родилась 7 декабря 1949 года в посёлке Юрино Марийской АССР. В 1966-м, закончив десятилетку, по комсомольской путёвке приехала в Магнитогорск на строительство стана «2500» холодной прокатки. Работала штукатуром-маляром в стройуправлении № 2 треста «Магнитострой». Закончила рабфак МГМИ и поступила на первый курс строительного факультета, но год спустя из-за болезни матери уехала на родину. Была организатором районного радиовещания, поступила на факультет радиожурналистики Казанского уни-верситета. Вернулась в Магнитогорск в 1984-м. Была сотрудницей газет «Маг-нитогорский рабочий» и «Метизник».

Екатерина Добролюбова

Писать стихи начала в школе. Пер-вые публикации появились в газетах республики Марий Эл, затем – в периодике Магнитогорска и Челябинска. Трижды была участницей литературных семинаров Челябинской области. Екатерина Добролюбова – соавтор четырёх коллективных сборников «Дружба» Марийской писательской организации, публиковалась в жур-нале «Берег А». В 1991 году вышла книга стихов «Поворот к дождям». Скончалась 7 октября 2005 года в Магнитогорске. В 2006-м в серии «Литература Магнитки. Избранное», издававшейся под патронажем газеты «Магнитогорский металл», вышла книга стихов Добролюбовой «Я легко ухожу».

Как ни странно, ночь не убывает...
Грустно так – грустнее не бывает.
Это сердце – сердце забывает.

Утру хлопотно, будто синице,
в том селе у великой реки.
Что за бабки здесь! Мастерницы
ткать цветастые половики.

От усталости ноги босые
в чистой горенке отойдут,
где дорожки лежат полосые,
всеми радугами цветут.

А какое в них солнце таится,
зелень лука, синь – по глотку!
Заберите мой век, мастерницы,
если песни такой не сотку.

Когда начнёшь считать года
не в шутку, а всерьёз, –

на вкус изменится вода
ценой пролитых слёз.

А жизнь – всё те же письма,
не расшифруешь вдруг.
Не всё ещё по именам
разложено на круг.

И ничего – за дюймо́м дюйм –
в судьбе не решено.
И не из всех заветных дум
проклюнулось зерно.

И сколько, видно, ни живи –
конец всегда не в срок.
...Под корень дерево сруби –
как долго стынет сок!

На волю! – себя не неволю.
На волю, как в чистое поле,
навстречу ветрам и прохожим,
на прошлые песни похожим.

Трамвай, отмени остановки,
замкни свои двери покрепче.
Как модница броской обновке,
я рада негаданной встрече.

Я рада добру и злословью
на лавочках: – Эка франтиха!..
Гадают, какого сословья,
желают мне счастья и лиха.

Желайте – и счастья, и лиха.
Сегодня на сердце не тихо,
не суетно, не осторожно –
руками дотронуться можно:

открыто, доверчиво, тесно
от вновь народившейся песни.

Письмо

Спугну со свечки бабочку огня.
Полночный диск луны – её замена.
Ну как тебе живётся без меня,
какие нынче в жизни перемены?
Наверно, и счастливо, и легко,
раз сердцу твоему сейчас далёка
та комната, где тихим камельком
дрожит луны оранжевое око.

Белеют позабытые листы
твоих стихов.
Там – о любви, о чести...
И рушатся сожжённые мосты,
как завершенье чьей-то

мелкой мести.
Какую вновь разыгрываешь роль?..
Не нахожу, чем пред тобой повинна
и чем оправдана потери боль –
до дня рожденья умершего сына?

Вот для него не найдено тепла.
Как быстро соучастие иссякло...
Придёт весна.

Два крохотных крыла
над памятью твоей
расправит зяблик.
И пусть тогда ложатся на листок
слова любви, слова о чести мнимой.
Пора, пора закончить монолог.
Звезда погасла. Боль – неугасима.

На сквозных качелях ветра
дадь яснее.
Бродит осень. И я с нею –
в листотканые аллеи,

где, желтея и алея,
бьются оземь листья с веток.

Не покаянно, – тревожно,
суетно, неосторожно
в голубиных небесах.
Что-то зреет белым-белым
за невидимым пределом.
Что-то взвешивают, верно,
на блистающих Весах.

О, девочка! О, флейта! О, душа!
Вишнёвый сад
под топором дрожит.
Скуластый месяц тешит кукушат,
воспитанных на материнской лжи.

Немыслимая литургия звёзд
перед рассветом, пряным и немым.
На тысячи рассеянностей вёрст –
лишь тишина. Но тишина – не мы.

У нас всё так же громогласен спор,
как обуздать привязанных за нить.
Но дерево само растит топор –
зачем же в этом дерево винить?

Прекрасно жить, конечно.
Не дыша...
О, девочка! О, флейта! О, душа!

Сегодня ощущение потери –
прямое избавление от бед.
Наш терпеливый
коммунальный терем
два чайника поставил на обед.

Я ставлю третий.
В летеляйне двери
наметился какой-то разнойой.
К шабрам, ко мне – все люди,
птицы, звери
с печальями, заботами, злобой.

И вечер близок.
Мирным камертоном
плеснётся ветер
в форточке сквозной.
И кто-то осмузлённым баритоном
мотив затянет песни привозной.

Она плеснёт забытое начало
на уголёк, мерцающий едва...
Я вас любила. Музыка молчала.
Пойду... Поставлю чайник. Или – два.

Об этом знает только снегопад

Справка «ММ»

Елена Холодова родилась 14 дека-бря 1989 года в Магнитогорске. В 2006 году, окончив школу № 54, поступила на отделении журналистики филологи-ческого факультета Магнитогорского государственного университета. Первая публикация стихов состоя-лась в 1996-м в газете «Стальная искра» Ашинского района Челябинской об-ласти. В 2006 году вышел двухтомник её стихов и прозы – «Возвращение» и «Воспоминание о маленьком городе». А через год в серии «Литература Маг-нитки. Избранное» – книга историй и рассказов «Волчица». В 2008 году Холодова стала лауреатом конкурса «Проба пера», проводимого газетой «Магнитогорский металл», вступила в Союз российских писателей. Стихи и рассказы Елены Холодовой печатались в журналах «Нева» (Санкт-Петербург), «Берег А», коллективных сборниках «Гармонии таинственная власть», «Проба пера».

Елена Холодова

чаю, предложил поестъ, но оказа-лось, что холодильник пуст, и кроме шоколадных вафель «Варюшка» в доме из еды нет ничего, даже хле-ба. Стола у него тоже не было. Он аккуратно застелил пол последним номером местной газеты, выложил на блюдец с отколотым краем скромный ужин. Я есть отказалась и он стал молча хрустеть вафлями. Потом принёс мне намоченное холодной водой полотенце, велел положить его на лицо – чтоб нос не опух и синяка не было.

Мы долго молчали. Говорить было вроде бы не о чем. Я чувство-вала себя полной дурой, дергалась, стреляла по сторонам глазами и ощущала себя крайне неловко. – Что ты как девочка-перво-классница сидишь? – он тоже ощу-щал себя неудобно, видя, как я сiju, на краю кресла, напряжённая и хмурая. Пересилив в себе стеснение, я откинулась на спинку удобно-го, глубокого кресла, отхлебнула чаю, обхватив ладонями чашку,

с удовольствием почувствовала, как руки мои благодарно, жадно вбирают тепло. И вдруг мы начали говорить. Ни с того, ни с сего два часа тараторили без умолку и за это время стали ближе друг другу, чем за полтора года с тех пор, как впервые познакомились. А потом снова резко замолчали. Но молча-нье теперь было уютно обоим. Прошло часа два. Он, казалось, забыл про меня. Ссутулив плечи, сидел на небрежно заправленной кровати, устремив глаза в пустоту. Мыслями он был далеко отсюда. И на мгновение мне показалось, что в тёмных зрачках его видны сполохи виденных им когда-то в Афганистане пожаров войны. В лице его сквозило что-то болевое, мучительно понятное и непонятное одновременно, руки судорожно сжимались, комкая ткань пло-хо проглаженных брюк, тонкие бледные губы дрожали, а на лбу выступила испарина. Вдруг он как-то судорожно вздрогнув, окунул лицо в ладони и застонал. Я сама не успела осознать, что вскочила со своего места и осторожно, но креп-ко обняла его со спины, зарылась лицом в предплечье. Он дернулся, попытался, было, отстраниться, но всё же смирился, обмяк и затих. Так мы и просидели всю ночь. Не сказав больше ни одного слова, не меняя положения, словно окаменели. А за окнами пошёл снег. Белый, пу-шистый, чистый, он валил и валил огромными хлопьями, с лёгким шорохом касаясь тёмного стекла. И только снегопад знал о ночи, когда два человека, случайно и ненадолго согрели друг друга... А через несколько дней он умер.